

Хулиан Каррон*

Чтобы понять историческую значимость двух пап, канонизируемых сегодня, следовало бы обратиться к ситуации, в которой находилась Церковь в 1950-е годы. Церковь, рисковавшая остаться замкнутой на самой себе, испытывавшая большие трудности в установлении сообразных отношений с современной мыслью, нуждалась в эпохальном перевороте, чтобы вернуться к возвещению Христа, убедительному и притягательному для людей нашего времени.

«Милосердное долготерпение Бога ради спасения человека» – такими словами отец Джуссани обобщенно описал свидетельство «добротного папы», который в энциклике *Pacem in Terris* предчувствовал, что «разрыв между религиозной верой и жизнью происходит <...> от недостатка солидного христианского воспитания. Поэтому необходимо, чтобы воспитание <...> было всеобъемлющим и непрерывным» (п. 80).

Кто накануне Второго Ватиканского собора мог представить себе, что подобное событие произойдет? Нужна была личная простота, какой обладал Иоанн XXIII, чтобы взять на себя ответственность за созыв экуменического собора. И хотя руководил его работой Павел VI, мы всегда будем помнить папу Ронкалли как того, кто созвал собор и подготовил первые его шаги. Как заметил в далеком 1968 году Йозеф Ратцингер, он «был одним из тех немногих подлинно великих людей, которые, преодолевая все схемы, лично и с созидательной точки зрения по-новому переживают на опыте то, что лежит у истоков, саму истину, и им удается вновь придать ей значимость». Кажется, будто читаешь какой-то из многочисленных призывов папы Франциска о возвращении к сути вещей.

Если Иоанна XXIII мы чтим за открытие Собора, то заслуга другого канонизируемого папы, Иоанна Павла II, несомненно, в том, что он перенял соборные постановления и волнение по поводу их реализации, присущее Павлу VI. Спустя годы после периода смятения, наступившего после Собора (папа Монтини говорил о нем как о «днях смуты, бури, тьмы, блуждания, неуверенности»), когда ясно обозначилось то, в чем больше не было пользы, но вместе с тем продолжался поиск того, что действительно могло бы ответить на вызовы настоящего, приход Иоанна Павла II стал для Церкви, переживавшей трудности, глотком свежего воздуха.

Возможно, только теперь мы начинаем осознавать, какова природа влияния, оказанного его избранием на жизнь Церкви. Ему удалось повернуть вспять «с мощью исполина – мощью, полученной им от Бога – движение, которое могло показаться необратимым», помогая «христианам всего мира не бояться называть себя христианами, принадлежать к Церкви, говорить о Евангелии» (Бенедикт XVI. Проповедь во время беатификации Иоанна Павла II. 1 мая 2011 г.). Папа Войтыла воплощал, как сказал отец Джуссани, «ясную уверенность в том, что значит содержание христианского послания для истории мира. То есть вера в Бога, ставшего человеком, со всем вытекающим из нее энтузиазмом по отношению к этому Человеку, на Которого можно возложить всю надежду отдельных людей и целого мира».

Кто не помнит впечатления от его программной энциклики *Redemptor Hominis*? «Человеческая жизнь невозможна без любви. Человек остается сам для себя существом непонятным, а жизнь его – лишенной смысла, если он не получит откровения любви, если он не приобщится к ней, не постигнет ее, не усвоит ее, так или иначе, если не начнет по-настоящему воплощать ее в жизнь. <...> Человек, который хочет понять себя до конца – не только исходя из непосредственных, частичных, чисто поверхностных и кажущихся данных и критериев собственного существа – должен, со всеми своими тревогами и сомнениями, слабостью и греховностью, жизнью и смертью, приблизиться ко Христу. Он должен, так сказать, войти в Него всем своим существом, должен как бы “присвоить” себе, ассимилировать всю реальность Воплощения и Искупления, чтобы обрести самого себя» (п. 10).

Через личное свидетельство о христианстве, переживаемое с беспримерной сознательностью и смелостью, Иоанн Павел II гениальным образом вновь предложил богословские основания католической веры в трех энцикликах о Троице: Христос – центр космоса и истории (*Redemptor Hominis*); Бог Отец, богатый милосердием (*Dives in Misericordia*), Дух Святой, Господь животворящий (*Dominum et Vivificantem*). В то же время папа Войтыла показал все антропологическое и культурное значение христианской веры для жизни человека: разум, превознесенный и исцеленный верой (*Fides et Ratio*); зависимость нравственности от веры (*Veritatis Splendor*); важность веры для экономики и труда (социальные энциклики); миссионерская природа веры (*Redemptoris Missio*); способность веры освещать тайну боли (*Salvifici Doloris*), человеческой жизни (*Evangelium Vitae*), семьи (*Familiaris Consortio*). Таким образом, человек может понять обещание, которое несет в себе христианская вера, чтобы отвечать на жажду свершения в каждом аспекте бытия.

В 2005 году тогда еще кардинал Хорхе Марио Бергольо отдал дань уважения Иоанну Павлу II, назвав его «человеком, который ставит на карту всего себя, и всем своим существом, всей жизнью в ее прозрачности ручается за то, что проповедует». Он был

свидетелем, сделавшим зримым *суть вещей*, то есть Иисуса Христа, Единственного, кто спасает человека и наполняет тихой радостью «беспокойное сердце» каждого.

* *президент Братства «Общениа и освобождения»*